О «возрасте» грамматической категории вида в современном осетинском языке: история и реалии

А. А. Левитская

Институт истории и археологии
Республики Северная Осетия — Алания (Владикавказ, Россия);
54alina.levitskaya@gmail.com; ORCID: 0000-0002-5433-0078

Аннотация. В статье впервые освещается вопрос о «возрасте» категории вида в современном осетинском языке. Сопоставление языковых и исторических фактов позволяет предположить, что формирование осетинских видовых противопоставлений по аспектуальному основанию «направленность на достижение предела» могло начаться не ранее середины XIII в. — начала XIV в. и в дигорском варианте, отражающем более архаичное состояние современного осетинского языка, еще не завершилось. Анализ сходных предпосылок возникновения вида в русском и осетинском языках представляет несомненный интерес как результат независимого развития этой грамматической категории в каждом из сопоставляемых языков.

Ключевые слова: превербы, предельность, непредельность, перфективность, имперфективность, перцептивность, аспект, осетинский язык, русский язык

Для цитирования: Левитская А. А. О «возрасте» грамматической категории вида в современном осетинском языке: история и реалии // Индоиранские языки. 2026. 2 (2). С. 44–72.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.2.2

© А. А. Левитская, 2026

On the “age” of the grammatical category of aspect in modern Ossetic: History and realia

Alina A. Levitskaya

Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia — Alania (Vladikavkaz, Russia); 54alina.levitskaya@gmail.com;
ORCID: 0000-0002-5433-0078

Abstract. This article addresses for the first time the issue of the “age” of aspect as a grammatical category in modern Ossetic.

A study of the two variants of modern Ossetic, viewed in the context of Ossetic history and contacts with the Slavic world, suggests that the development of aspectual oppositions based on a “focus on reaching the limit” began no earlier than the mid-13th century to early 14th century. In the more archaic Digor variant, this process remains incomplete. Aspectual data from Digor reveal traces of an undifferentiated or only partially differentiated aspect. Iron evidence also points to the relatively recent emergence of aspectual oppositions in Ossetic. Particularly revealing are verbs with the prefix *fœ-*, whose functions reflect different stages in the development of the Ossetic aspectual system.

Comparison with Russian highlights important differences. In Russian, the grammatical category of aspect covers both processuality and multiplicity. In Ossetic, these meanings are distributed across two categories: aspect expresses processuality, whereas multiplicity is expressed by a separate means, typically through the “verb + *-iu*” construction. The independent development of aspect in Russian and Ossetic on similar semantic grounds, i.e. limitation and directionality, offers valuable insights for comparative and general aspectology.

Keywords: preverbs, telic, atelic, perfectivity, imperfectivity, perceptivity, aspect, Ossetic, Russian

For citation: Levitskaya A. A. On the “age” of the grammatical category of aspect in modern Ossetic: History and realia. *Indo-Iranian Languages.* 2026. 2 (2). P. 44–72.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.2.2

В труде «Скифо-европейские изоглоссы», в этюде «Превербы и перфективность», В. И. Абаев высказал суждение о том, что «в осетинском и в славянских языках имеется далеко идущая близость в перфективирующей функции превербов» и что «эта близость лучше всего может быть объяснена как результат ареальных скифо-славянских контактов в Восточной Европе» [Абаев 1965: 68]. Позднее это предположение было сформулировано В. И. Абаевым в еще более категоричной формулировке: «В скифо-европейский период скифо-иранские наречия отделились уже от остального иранского мира, но вступили в длительные контакты с языками тогдашнего европейского круга: славо-балтийскими, германскими, кельтским, предком латинского языка, предком тохарских языков. Эти контакты имели ряд языковых последствий. В грамматике перфективирующая роль превербов, которая в древнеиранском только намечалась, стала законом» [Абаев 1977: 8].

По мнению В. И. Абаева, этот закон действовал уже в древнем осетинском языке в период «со второй половины II тысячелетия до н. э.» до первых веков н. э., а точнее «до гуннского нашествия, т. е. до IV в. н. э.» [Абаев 1965: 53]. В. И. Абаев оказался, образно говоря, в плену аспектологического заблуждения в числе многих других выдающихся лингвистов-индоевропеистов, которые, по словам Ю. С. Маслова, за некоторым сходством в аспектуальной семантике глагольных приставок славянских языков и приставок в глаголах других индоевропейских языков (германских, латыни, древнегреческого и др.), указывающих на предельный характер действия, не разглядели существенного содержательного различия между перфективностью, отличающей приставочные глаголы славянских языков, и предельностью глагольного действия, обозначаемой приставками в других индоевропейских языках. «На этой почве сложилась теория о “перфективирующей силе” глагольных приставок во всех или почти во всех индоевропейских языках ⟨...⟩. Только постепенно стало ясно, что в приставочных глаголах неславянских языков мы имеем дело не с видом ⟨...⟩, что предельность существенно отличается от перфективности, от совершенного вида, и что славянские приставочные образования не развили бы в себе значение перфективности, если бы в системе языка не наличествовали бы рядом с ними в большинстве случаев вторичные имперфективы» [Маслов 2004: 345–346].

Как известно, в древнерусском языке начало процессов перфективации и имперфективации зафиксировано летописями в период не ранее начала XII в., см. [Кузнецов 1951: 452; 1961: 141; Ружичка 1962: 309, 312–313; Этерлей 1970: 4–5] и др., так что в период, обозначенный В. И. Абаевым (см. выше), древнеосетинский и древнерусский языки не могли выработать «сообща и одновременно» [Абаев 1965: 61] перфективирующую способность превербов. Что касается периода с середины XII в. по конец XIV в., когда в древнерусском языке формируется вид как грамматическая категория [Аванесов, Иванов 1982: 207–278], то этот период в отношениях между предками русских и осетин не является периодом массового многовекового двуязычия, которое составляет обязательное условие для возникновения грамматической изоглоссы: «Грамматические межъязыковые изоглоссы немыслимы без того, чтобы на стыке контактирующих языков [не] наметились элементы двуязычия» [Абаев 1965: 53]. Массовое (славяно-иранское) двуязычие исключается для носителей древнерусского и древнеосетинского языков и ранее, и в этот период, и позже, до конца XVIII в., в силу известных исторических событий [Цалиева 1983: 141–144]. В IV–V вв. гуннское нашествие положило конец близкому соседству славянского и иранского миров; «вместе с гуннами пришли тюркские племена, ставшие соседями алан на многие века» [Бзаров 2022: 85]. Господство Хазарского каганата с VII в. по X в. значительно ослабило исторически сложившиеся, но всё еще сохраняющиеся контакты русов и алан [Кузнецов 1971: 11–19, 25–26; Турчанинов 1971: 66–67; Бзаров 2022: 96–99]. Славяне не упоминаются в числе близких соседей алан в таких исторически значимых памятниках, как «Армянская география нового списка VII века» [Бзаров 2022: 85–87] и «Хронография» Феофана Исповедника (начало VIII — IX вв.) [Зетейшвили 1976]. Славянский мир значительно удален территориально от «иранских» областей юго-восточной Европы и на карте размещения славян в V–VII вв. в книге Б. А. Рыбакова [1982: 12]. Появление в 40–50-х гг. XI в. в южнорусских степях половцев надолго оборвало все отношения между Русью и Аланией [Кузнецов 1971: 28]. События XIII в., связанные с татаро-монгольским нашествием, привели к разгрому Алании, катастрофическим последствием для которой как государства стала «массовая миграция алан

на восток и запад, чрезвычайно ослабившая страну и поставившая ее народ на грань физического уничтожения» [Кузнецов 1971: 41; Бзаров 2022: 105, 117, 202].

Таким образом, очевидно, что перфективирующая способность превербов в современном осетинском языке не может являться заимствованием или изоглоссой, выработанной «сообща и одновременно» [Абаев 1965: 61] с древнерусским языком, поскольку такому объяснению противоречат объективные исторические факты.

Тем не менее в современном осетинском языке превербы действительно обладают перфективирующей способностью, что отличает его от родственных иранских языков [Эдельман 1975: 338, 382, 401] и сближает со славянскими.

В современном осетинском языке действует грамматическая категория вида, представленная противопоставлением двух рядов глагольных форм несовершенного вида (НСВ) и совершенного вида (СВ) по аспектуальному семантическому основанию «направленность на достижение предела» [Цалиева 1983: 59–104; Левитская 2004]. Примеры приведены в таблице 1.

Таблица 1. Видовые пары: глаголы несовершенного и совершенного вида

Table 1. Aspectual pairs: imperfective and perfective verbs

Глаголы несовершенного вида	**Глаголы совершенного вида**
ærба-цæй*-тулын* ‘прикатывать’	***ærба****-тулын* ‘прикатить’
æр-цæй*-згъорын* ‘сбегать (сверху вниз)’	***æр****-ызгъорын*[1] ‘сбежать (сверху вниз)’
ра-цæй*-цæуын* ‘выходить (с позиции «наблюдателя», находящегося снаружи)’	***ра****-цæуын* ‘выйти (с позиции «наблюдателя», находящегося снаружи)’
с-цæй*-исын* ‘поднимать’	***с****-исын* ‘поднять’
фæ-цæй*-фæлдахын* ‘переворачивать’	***фæ****-фæлдахын* ‘перевернуть’

[1] Гласный *ы* на стыке приставки и корня протетический.

Приставочные глаголы с аффиксом *-цæй-* — глаголы несовершенного вида — обозначают недостигнутость предела. Приставочные глаголы без этого аффикса — глаголы совершенного вида — указывают на достигнутость предела. Подобные противопоставления отвечают главным требованиям, характеризующим вид как грамматическую категорию, а именно: 1) **выражают аспектуальное значение**, т. е., по формулировке А. М. Пешковского [1956: 105], обозначают «характер протекания и распределения действия во времени» (в осетинском таковым значением является указание «**направленности на достижение предела**», которое реализуется двумя рядами форм: либо как недостигнутость предела (НСВ), либо как его достигнутость (СВ)); 2) **свободны от лексических различий** (это главное требование, предъявляемое к видовым противопоставлениям: «Эмансипированность от лексических различий ⟨...⟩ должна быть признана самым важным из ⟨...⟩ критериев вида» [Маслов 2004: 332]); 3) употребление формы со значением соответствующего вида является **обязательным**, **принудительным**, **регулярным**, даже если содержание высказывания этого не требует, как, например, в следующем предложении:

(1) *Мæлæт-дзаг фæллад ба-код-т-а æмæ,*
смерть-ADJ уставший PV-делать-TR-PST.3SG и
æвæццæгæн, рагæй нырмæ уыд æнæ-хуысс-æг,
наверное давно теперь быть.PST.3SG без-спать-PTCP.PRS
*йæ уæлтъыфæл-тæ-**иу** сæ-хæдæг сæ-хи*
POSS.3SG верхнее_веко-PL-ITER POSS.3PL-REFL POSS.3PL-REFL.GEN
*'гъдау-æй цæст-ытæ **æр-цæй-æмбæрзт-ой**, æмæ-**иу***
обычай-ABL глаз-PL PV-IMPF-закрывать-TR.PST.3PL и-ITER
гъе уыцы рæстæг уæлтъыфæл-тæ тых-æй —
вот это время верхнее_веко-PL сила-ABL
*амал-т-æй фæстæмæ **с-ист-а** уæлæ-мæ.*
способ-PL-ABL обратно PV-поднимать-TR.PST.3SG сверху-ALL
'Он был смертельно утомлен и, видно, так давно не спал, что веки сами собой **опускались** на глаза его, он **поднимал** эти набухшие веки с видимым трудом' [с. 706 / с. 554][2].

[2] Примеры взяты из текстов романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия» на осетинском и русском языках. В скобках указаны номера страниц: до косой черты — из [Фадеев 1953], после нее — из [Фадеев 1972].

Форма *æрцæйæмбæрзтой* ‘(веки) опускались (на глаза)’, букв.: ‘(веки) находились в процессе прикрытия (глаз)’ выступает в конкретно-процессном значении НСВ, что функционально соответствует русскому эквиваленту ‘опускались’. В высказывании осетинская форма входит с частицей *-иу* в состав аналитической конструкции, которая обозначает политемпоральную кратность действия [Левитская 2004: 31–32] и выражает буквально следующий смысл: ‘неоднократно находились в процессе прикрытия’. Без существенных потерь для смысла высказывания форма *æр-цæй-æмбæрзт-ой* (PV-IMPF-закрывать-TR.PST.3PL) ‘прикрывали’ могла бы быть заменена формой *æр-æмбæрзт-ой* (PV-закрывать-TR.PST.3PL) ‘прикрыли’, которая в составе аналитической конструкции с частицей *-иу* со значением политемпоральной кратности действия означала бы ‘опустились/прикрылись неоднократно’, что функционально-семантически соответствует русскому ‘опускались/прикрывались’.

В содержательном и аспектуальном планах указание в осетинском варианте на процессный характер прикрытия век при каждом его повторе никакого принципиального значения для общего смысла высказывания не имеет. Актуален только факт неоднократности этого действия. Тем не менее согласно требованию обязательности использования соответствующей грамматической формы в осетинском переводе употребляется форма, указывающая на процессуальный характер действия опускания век при каждом его повторе, т. е. в качестве обязательного реализуется требование осетинского вида как грамматической категории относительно семантики НСВ. Ср.: *æрцæйæмбæрзтой* (форма глагола в конкретно-процессном значении НСВ) ‘опускались’ в конструкции с частицей *-иу* означает ‘неоднократно опускались’; *æрæмбæрзтой* (форма глагола в конкретно-фактическом значении СВ) ‘опустились’ в конструкции с частицей *-иу* означает ‘неоднократно опустились = опускались’. Широко известны в этой связи суждения Р. О. Якобсона о том, что, если в языке какое-то семантическое различие оформилось в грамматическую категорию, язык в сфере действия этой категории уже не может оставлять данное различие не выраженным [Якобсон 1985]; см. также комментарий Ю. С. Маслова [2004: 329].

Аналогичное выполнение требования обязательности употребления видовой формы, соответствующей характеру протекания действия

в значении СВ, наблюдаем в случае употребления в этом же контексте (1) формы глагола СВ *систа* (*уæлæмæ*) ‘поднял (наверх)’ в составе конструкции с частицей *-иу*: *систа-иу* ‘поднимал’, букв.: ‘поднял неоднократно’, что функционально-семантически соответствует русскому ‘поднимал’. Употребление формы глагола НСВ *ист-а* (брать-TR. PST.3SG) ‘поднимал’ вместо *систа* ‘поднял’ в составе конструкции с *-иу* (*иста-иу* ‘поднимал’) тоже функционально-семантически соответствует русскому варианту ‘поднимал’. Однако, поскольку речь идет о том, что действие ‘поднятия (век)’ при каждом его повторе завершалось достижением предела, то должна быть, согласно требованиям грамматической категории, употреблена форма СВ, которая в составе конструкции с *-иу* имеет смысл ‘поднял неоднократно’, что соответствует русскому варианту ‘поднимал’. Ср.: *систа-иу* ‘неоднократно поднял = поднимал’; *иста-иу* ‘неоднократно поднимал = поднимал’.

Когда в осетинском языке могло сложиться видовое противопоставление как грамматическое? Каковы возможные хронологические рамки возникновения и формирования осетинского вида как грамматической категории? Наиболее «говорящей» и значимой с точки зрения предположения о предпосылках его возникновения является аспектуальная история группы глаголов движения/перемещения, а также глаголов других лексических разрядов, в семантике которых есть идея возможной направленности действия.

В современном осетинском языке восемь продуктивных глагольных приставок: *а-*, *æр-*, *æрба-*, *ба-*, *ра-*, *ны-*, *с-* и *фæ-*. Все они (кроме *фæ-*) имеют пространственно-ориентационное значение, т. е. указывают на направление движения (или на направленность действия) с позиции локализации условного наблюдателя за действием. Значение пространственной ориентации развилось в превербах в кавказский период истории осетинского языка и оценивается как субстратное. «...Не менее двух тысяч лет осетины-аланы являются народом кавказским и находятся в тесных отношениях и взаимодействии с народами коренного этнического круга. Очевидно a priori, что такие продолжительные связи не могли не оставить следы в языке...» [Абаев 1949: 76], а именно: «Система глагольных префиксов в осетинском может служить хорошей иллюстрацией того, как при бесспорно иранской форме элементы языка таят в себе, по-видимому, субстратное, кавказское содержание. Почти все интересующие нас глагольные

префиксы — иранского происхождения. [Они] ⟨...⟩ имеют ⟨...⟩ значение локативное (при глаголах, обозначающих передвижение) ⟨...⟩. Особенностью локативной семантики осетинских глагольных префиксов сравнительно с индоевропейскими является то, что они выражают не только направление передвижения абстрактно в пространстве, но и положение наблюдающего субъекта по отношению движущегося предмета. Аналогичное положение вещей в грузинском» [Там же: 106–107], а также в языках других кавказских народов [Дешериева 1979: 111; Кумахов 1964: 164–165; Тарланов 1977: 93; Хайдаков 1975: 19–29] и др.

Развитию в кавказских языках «грамматической абстракции в плане дифференцированности пространственной ориентации и появлению соответствующих категориальных форм» способствовал «длительный процесс восприятия носителями этих языков фактов окружающего мира, а именно географической среды», характерной для горного ландшафта Кавказа [Гунаев 1977: 126].

Развитие в осетинских приставочных глаголах вышеназванных лексико-семантических разрядов категории пространственной ориентации имело для грамматического строя осетинского языка последствия исключительной значимости.

Совпадение направления движения (направленности действия) и локализации условного наблюдателя в глаголах с приставками *æр-*, *æрба-*, *ра-*, *с-* (позже и с *фæ-*) позволяет обозначить течение действия между его началом и концом («intra terminos»), в середине его течения («in medias res»; термины предложены Ю. С. Масловым [1984: 19]), т. е. позволяет реализовывать признак перцептивности/наблюдаемости, восприятия (лат. *perceptio* ‘восприятие’)[3].

В свою очередь, признак перцептивности является «определяющим контекстуальным и ситуативным условием» для выражения процессности действия [Бондарко 1980: 14]. Как известно, именно обозначение древнерусскими приставочными глаголами процессного

[3] «Перцептивное действие — это действие, воспринимаемое в процессе его протекания, действие, наблюдаемое или воспринимаемое на слух, осязаемое и т. д. Признак перцептивности реализуется и конкретизируется в обозначении момента фиксации процесса, наблюдателя (воспринимающего субъекта) и места протекания воспринимаемого процесса (в определенном отношении к позиции восприятия)» [Бондарко 1980: 14].

характера действия явилось началом формирования вида. Возникновение в древнерусском языке форм приставочных результативных глаголов со значением процессной направленности на достижение результата (предела) «было началом рождения несовершенного вида и, тем самым, вообще вида в собственном или узком смысле слова» [Маслов 2004: 472].

В более развернутой формулировке утверждение Ю. С. Маслова о том, что выражение приставочными результативными глаголами процессной направленности на достижение результата (предела) — это «начало рождения вида» в древнерусском языке, изложено в очерке «Об основных понятиях аспектологии»: «Предпосылкой возможного возникновения в префиксальных предельных глаголах значения совершенного вида является возникновение противопоставленных им образований с той же приставкой и тем же значением предельности, но изображающих данное действие как протекающий и незавершенный процесс. Там, где нет таких образований, нет и условий для формирования совершенного вида: без имперфективации приставочных глаголов нет и перфективации простых глаголов посредством присоединения приставки» [Маслов 1984: 17].

В приведенной формуле «рождения вида» в русском языке по Ю. С. Маслову в качестве важнейших предпосылок названы две составляющие в семантике глагола — значение процессности и значение предельности.

О способности осетинских приставочных глаголов указывать на процессный характер действия благодаря развитию в них пространственно-ориентационной семантики речь шла выше. Что касается обозначения предельности, то осетинские превербы «вынесли» эту способность из общеиранского состояния, как и глагольные приставки других иранских языков [Абаев 1965: 51–63; Оранский 1979: 83–84]. Так, например, Д. И. Эдельман отмечает, что древнеиранский располагал довольно богатой системой предлогов-превербов, уточнявших протекание действия в пространственном, временном отношении, а также указывавших на предельность действия: «Прибавлением различных превербов, главным образом локальной семантики, ⟨...⟩ образуется большая группа глаголов, имеющих значение предельности, от глаголов с различной семантикой...» [Эдельман 1975: 347]. Данную способность древнеиранских превербов отмечали также

Г. Райхельт [Reichelt 1978: 302] на материале языка Авесты, А. Мейе [Meillet 1931: 132] на материале древнеперсидского и многие другие авторы. Ю. С. Маслов писал о том, что «[р]яд глагольных образований с предельным значением был отмечен в древних индоевропейских языках и восстанавливался для индоевропейского праязыка в работах Б. Дельбрюка, Э. Вандриеса, П. Шантрена, А. Мейе и других лингвистов» [Маслов 1962: 16]. В. И. Абаев приводит примеры приставочных образований, которые он относит к эпохе «скифского» языка: ***а-****may* ‘строить’ [Абаев 1949: 153], ***а-****raz* ‘направлять, устраивать’ [Там же: 154], ***а-****rga* ‘освящать религией’ [Там же: 154], ***para-****data* ‘устанавливать’ [Там же: 175], ***fra-****xvay* ‘пронзать’; ***fal-****dar* ‘сокрушать’ [Абаев 1979: 347]. В этих примерах превербы являются маркерами предельности. Е. Е. Арманд указывает 16 древнеперсидских глаголов с приставками *ava-* и *ni-* предельной семантики [Арманд 2000].

Доказательством того, что уже в древнеосетинском языке превербы маркировали предельность, служит большое число осетинских глагольных образований, подвергшихся опрощению, все они имеют предельную семантику. Об этих образованиях писали Т. З. Козырева [1954], Р. Л. Цаболов [1957: 321–333], В. И. Абаев [1965: 63–64] и др. В результате переразложения основы приставки в этих глаголах не осознаются в качестве приставок, хотя исторически выделяются как «мертвые», непродуктивные. Например: ***æв****зарын* ‘выбирать’; ***æв****дисын* ‘показывать’; ***æф****снайын* ‘убирать’; ***æф****хæрын* ‘обижать, наказывать’; ***æл****васын* ‘стягивать’; ***æл****гъитын* ‘ругать’; ***æм****бийын* ‘гнить’; ***æм****пурсын* ‘громить; вторгаться’; ***æн****къарын* ‘ощущать’; ***æн****хъæлын* ‘представлять (себе); предполагать’; ***и****вайын* ‘бледнеть’; ***и****вылын* ‘разливать’; ***ив****гъуыйын* ‘проходить мимо, миновать’; ***ир****вæзын* (от ***ив-****рæзын*) ‘спасаться, избавляться; ускользать’; ***ир****хæфсын* (от ***ив-****хæфсын*) ‘развлекать; успокаивать; утешать; выручать’; ***иф-****тындзын* ‘запрягать лошадь; заряжать ружье’; ***лæ****марын* ‘выжимать’; ***лæ****гардын* ‘прорезáть’; ***рæ****дийын* ‘ошибаться’; ***рæ****мудзын* ‘вырывать’; ***у****дайын* ‘увлажнять’; ***у****ромын* ‘останавливать’; ***фæл****дисын* ‘посвящать (что-нибудь кому-нибудь в ритуальном смысле)’; ***фæл****тæрын* ‘испытывать’; ***фæр****судзын* ‘процеживать’ и др.

По мнению В. И. Абаева [1965: 64], сращение превербов с глагольными основами происходило уже в древнеиранском языке. Таким образом, приведенные и многие другие примеры (предельных!) гла-

голов с опрощением подтверждают, что к началу кавказского периода истории осетинские превербы выступали маркерами предельности. С развитием в осетинских глаголах движения/перемещения (и в глаголах других лексико-семантических разрядов со значением направленности действия) пространственно-ориентационных значений создаются условия для реализации признака процессности в глаголах с приставками *æр-*, *æрба-*, *ра-*, *с-* и *фæ-*, отличающихся возможностями обозначения признака перцептивности. Для выражения конкретно-процессного (имперфективного) значения на определенном этапе истории осетинского языка стали использоваться образования с аффиксом *-цæй-*. Подчеркнем, что видовые пары (т. е. не различающиеся лексической семантикой) в современном осетинском языке образуются только глаголами с вышеназванными приставками: формы с *-цæй-* выражают конкретно-процессное (имперфективное) значение, те же формы без этого аффикса — конкретно-фактическое (перфективное) (см. примеры в таблице 1). Глаголы с приставками *а-*, *ба-*, *ны-* не имеют имперфективных форм, поскольку обозначаемая ими пространственная ориентация не допускает реализации признака перцептивности. Это связано с тем, что выражаемое ими направление движения не совпадает с локализацией условного наблюдателя: приставка *а-* указывает на движение наружу в направлении от наблюдателя, находящегося внутри; *ба-* — на движение внутрь от наблюдателя, находящегося снаружи; *ны-* — на движение вниз от наблюдателя, находящегося наверху.

На каком этапе истории осетинского языка названные предпосылки могли (предположительно) реализоваться для выражения имперфективного значения?

Единственный достоверный источник информации о более архаичном состоянии грамматического строя осетинского языка по сравнению с современным состоянием — это дигорский вариант осетинского языка. «...В области фонетики и отчасти морфологии он [дигорский диалект] отражает нормы переходные от древнеиранских к современным иронским. Иначе говоря, в ряде явлений фонетики и морфологии дигорский и иронский диалекты могут быть рассматриваемы как два последовательных этапа развития одного и того же языка» [Абаев 1949: 360], см. также [Исаев 1966: 80–84].

Особенности функционирования в дигорском варианте имперфективных глагольных форм с аффиксом *-цæй-*, как и некоторые дру-

гие аспектологические факты, представляют для нас чрезвычайный интерес в поисках ответа на вопрос о предположительном «возрасте» осетинского вида. Прежде чем прокомментировать эти особенности, приведем краткую историческую справку, которая позволит взять за условную точку отсчета в формировании аспектологических расхождений между дигорским и иронским середину XIV — начало XV в. Из истории осетинского народа известно, что: «С 1238 г., когда монголы приступили к покорению Алании ⟨...⟩ по 1395 г., когда походы Тимура стали завершающим ударом в череде трагических событий, Аланию постигла всеобъемлющая катастрофа, приведшая к массовому уничтожению населения ⟨...⟩ крушению государственности...» [Бзаров 2022: 105]. «В нач. XV в. спасшиеся от гибели разрозненные аланские группы оказались разбросанными по многим ущельям» [Там же: 117]. Малочисленные носители дигорского варианта оказались в условиях жесткой высокогорной изоляции, которая продолжалась до конца XVIII в. «Дигорское общество присоединилось последним из горных обществ Осетии к России» [Там же: 202]. «Основание первых дигорских селений ⟨...⟩ на равнине датируется приблизительно в диапазоне от сер. XVII в. до нач. XVIII в.» [Бзаров 2020: 82].

Таким образом, очерченные историками хронологические рамки длительного пребывания носителей дигорского варианта в условиях естественной изоляции позволяют предполагать, что выражение дигорскими глаголами аспектуальных значений может отражать ситуацию в осетинском языке периода накануне монгольского нашествия и позже. Подобное предположение подтверждают следующие языковые факты.

1. В. И. Абаев в очерке о расхождениях между двумя вариантами осетинского языка [Абаев 1949: 357–506] приводит многочисленные примеры различий между дигорским и иронским вариантами, в том числе и в употреблении глагольных форм с аффиксом *-цæй-*. Например, в следующих высказываниях: *ра-цæй-йевгъуд-æй мæ догæ* (PV-IMPF-проходить-PST.3SG POSS.1SG время) ‘ушло мое время’; *ниц-цæй-калд-æй мæ мæсуг* (PV-IMPF-разрушаться-PST.3SG POSS.1SG башня) ‘рухнула моя башня’, — вместо *рацæййевгъудæй* ‘ушло’ и *ниццæйкалдæй* ‘рухнула’ можно было бы использовать *рай-йевгъуд-æй* (PV-проходить-PST.3SG) ‘ушло’ и *ник-калд-æй* (PV-разрушаться-PST.3SG) ‘рухнула’, «так как речь идет о вполне завершившихся действиях» [Там же: 419]. В своем

комментарии В. И. Абаев обращает внимание на то, что в приведенном и во многих других подобных случаях в дигорском варианте аффикс *-цæй-* «часто не дает заметного отличия от форм без *-цæй-*» [Там же].

Аспектологическая составляющая В. И. Абаева не интересовала, он указывает просто на факт очевидных расхождений. Для нас именно аспектологическая составляющая приведенных расхождений представляет чрезвычайный интерес, поскольку свидетельствует о том, что даже в настоящее время в дигорском варианте формы с *цæй-* (имперфективы в иронском варианте) употребляются как недифференцированные по виду. Эта ситуация напоминает ситуацию в древнерусском языке в начале XI в., ср.: «Многие глаголы, которые в современном русском, украинском и белорусском языках прочно закреплены за каким-либо видом, в языке “Повести временных лет” могли употребляться то в одном, то в другом виде» [Ружичка 1962: 309], а также: «...Как в старославянском языке, так и в раннем древнерусском, [большие группы глаголов] еще не были охвачены категорией вида, ⟨...⟩ они должны быть расценены для той эпохи как немаркированные в отношении вида...» [Там же: 312].

Кроме того, в примере В. И. Абаева приведена дигорская форма *ниццæйкалдæй* ‘рухнула’ с приставкой *ни-*. Она соответствует *ны-* в иронском варианте, где глагольная форма с этой приставкой и аффиксом *-цæй-* абсолютно невозможна, поскольку, как отмечалось выше, формы с приставками *а-*, *ба-*, *ны-* не имеют имперфективов с *цæй-* в силу невозможности выражать признак перцептивности, который является главным условием для обозначения процессности действия. Следовательно, в дигорском варианте наблюдается отражение ситуации, когда пространственно-ориентационные значения еще не вполне закрепились за определенными превербами и, соответственно, аспектуальная семантика «процессности» еще не вполне устоялась в формах с аффиксом *-цæй-* — вот почему какие-то группы глаголов оказываются не дифференцированными по виду. О похожей ситуации в древнерусском языке писал П. С. Кузнецов: «В древних славянских памятниках (и особенно в древнерусских) мы находим глаголы, могущие принадлежать к обоим видам или вообще с точки зрения вида строго еще не установившиеся» [Кузнецов 1961: 141].

2. Не до конца оформившиеся в дигорском пространственно-ориентационные значения превербов отражают и следующие факты:

иронский преверб *а-* не имеет соответствия в дигорском варианте. Там, где в иронском употребляется *а-*, в дигорском употребляется преверб *ра-*, который к тому же отличается пространственно-ориентационной семантикой от иронского *ра-*, а именно: дигорский преверб *ра-* указывает на движение наружу, как и иронский преверб *ра-*, но не называет места нахождения условного наблюдателя, тогда как в иронских формах с этим превербом есть указание на положение условного наблюдателя снаружи [Исаев 1966: 83].

3. В дигорском имеются примеры, отражающие процесс закрепления за бывшими иранскими предлогами и послелогами новых для них функций превербов. Речь идет о двойном употреблении преверба перед глаголом и после него: ***æр-****кæс-ай-****æр*** (PV-смотреть-SBJV.2SG-PV) ‘взгляни-ка’; ***ни-****ггæр код-т-а-****ни*** (PV-INTJ делать-TR-PST.3SG-PV) ‘воскликнул он’ и др. [Абаев 1949: 421]. Такие примеры указывают на то, что в дигорском варианте за бывшими предлогами еще не закрепились функции исключительно превербов, они продолжают употребляться и как послелоги.

4. В иронском варианте преверб, как правило, неотделим от глагольной основы (в составных глаголах — от именной части), в дигорском варианте между превербом и глагольной основой могут вставляться местоимения в качестве прямых и косвенных дополнений (объектов), а также другие энклитики, ср. примеры из [Абаев 1949: 421]:

(2а) Иронский вариант
ба-*цыд-и* ***йæм***
PV-идти-PST.3SG 3SG.ENCL.ALL

(2б) Дигорский вариант
ба-имæ-*цуд-æй*
PV-3SG.ENCL.ALL-идти-PST.3SG
‘(Он) пошел к нему’.

(3а) Иронский вариант
ба-*йс-дзын-æн* ***дын*** ***æй***
PV-брать-FUT-1SG 2SG.ENCL.DAT 3SG.ENCL.GEN

(3б) Дигорский вариант
ба-дин-æй-*йес-дзын-æн*
PV-2SG.ENCL.DAT-3SG.ENCL.GEN-брать-FUT-1SG
‘(Я) отниму его у тебя’.

(4а) Иронский вариант
с-дзырд-т-а ***ма***
PV-говорить-TR-PST.3SG еще

(4б) Дигорский вариант
ис-ма-дзурд-т-а
PV-еще-говорить-TR-PST.3SG
‘(Он) еще произнес’.

Подобные примеры расхождений между параллельными языковыми фактами в иронском и дигорском вариантах свидетельствуют о том, что дигорский все еще сохраняет картину неокончательного преобразования бывших иранских предлогов в превербы, хотя, по словам С. Н. Соколова [1979: 226], уже в языке Авесты «по месту в предложении превербы чаще тяготеют к глаголу, но могут и отделяться от него». Отметим, что и в иронском варианте наблюдаются факты параллельного функционирования слияния преверба с аффиксом *-цæй-* в отрыве от глагольной основы, например:

(5) *Суанг ма йын йæ къух-мæ дæр*
даже еще 3SG.ENCL.DAT POSS.3SG рука-ALL ADD
фæ-цæй æвнæлд-т-а, *фæлæ йæм йæ*
PV-IMPF трогать-TR-PST.3SG но 3SG.ENCL.ALL POSS.3SG
ныфс нæ ба-хаст-а.
вера NEG PV-нести-TR.PST.3SG
‘Она даже **сделала движение взять** (букв.: взяла было) его за руку, но не решилась’ [с. 89 / с. 71].

Параллельно отмечается и графическое слияние аффиксов с глагольной основой — *фæцæйæвнæлдта* ‘взяла было’.

В примере (6) наблюдаем слияние преверба *ра-* с аффиксом имперфективации *-цæй-*. Эта часть слова функционирует самостоятельно (отдельно от глагольной основы), о чем свидетельствует употребление местоимения *йын* ‘ей’ между частью *рацæй* и глаголом *хастой* ‘несли’.

(6) ***Ра-цæй йын хаст-ой*** *чемодан,*
PV-IMPF 3SG.ENCL.DAT нести-TR.PST.3PL чемодан
тыхтæ-ттæ, кæлмæрзæн.
узел-PL платок
‘Ей уже **несли** чемодан, узлы, платок’ [с. 58 / с. 47].

Параллельно в современном осетинском языке функционирует также и форма *рацæйхастой* ‘несли’ и другие подобные.

В (7) приведен пример слияния преверба *ра-* с аффиксом имперфективации *цæй-* и их написание отдельно от именной части составного глагола *ныхас кодта* ‘говорил’.

(7) *«Мæнæн та æппæт дæр ...» — **ра-цæй** **ныхас***
1SG.DAT CONTR все ADD PV-IMPF речь
код-т-а *Шульга.*
делать-TR-PST.3SG Шульга
‘«Та мои ж уси...», — **начал было** (букв.: начал было говорить) Шульга’ [с. 100 / с. 80].

Вариативность написания **исключается** при наличии энклитических местоимений — это всегда раздельное употребление (как в примере (6)) — и **сохраняется** при отсутствии энклитик, когда возможно параллельное употребление форм слитного или раздельного написания (например, в (5)).

Неокончательное позиционное закрепление превербов наблюдается и в составных глаголах иронского варианта: преверб может соединяться как со знаменательной частью, так и со вспомогательным глаголом. Например: *рох кæнын* ‘забывать’ → *рох **фæ-**кæн-ын* (забытый PV-делать-INF) или ***фе-**рох кæн-ын* (PV-забытый делать-INF) ‘забыть’; *рæхойын* ‘протыкать’ → ***фæ**рæхойын* или *рæхуыст **фæ-**кæн-ын* (протыкать.PTCP.PST PV-делать-INF) ‘проткнуть’; *зилын* ‘сворачивать’ → ***фæ**зилын* или *зил-гæ **фæ-**кæн-ын* (вертеть-PCVB PV-делать-INF) ‘свернуть’; *сæфын* ‘пропадать, погибать’ → ***фе**сæфын* или *сæф-гæ **фæ-**кæн-ын* (пропадать-PCVB PV-делать-INF) ‘пропасть, погибнуть’; *тæрсын* ‘пугаться’ → ***фæ**тæрсын* или *тæрс-гæ **фæ-**кæн-ын* (пугаться-PCVB PV-делать-INF) ‘испугаться’ и др. Контекстуальный пример:

(8) *Хъæр-гæн-гæйæ æмæ ехс-ыт-æй цъычч-ытæ -*
крик-делать-CVB и бич-PL-ABL удар_хлыстом-PL
къæрцц-ытæ кæн-гæйæ, тых-тæ - амæл-тт-æй
удар-PL делать-CVB сила-PL способ-PL-ABL
*фос **фæ-дыууæ** **дих-ы** **код-т-ой**,*
скот PV-два часть-NUM делать-TR-PST.3PL
уыл чысыл рæстæг нæ фе-сæф-гæйæ.
TOT.SUPER малый время NEG PV-пропадать-CVB
‘Крича и хлопая бичами, они с трудом **расчленили** стадо **надвое**, потратив на это немало времени’ [с. 642 / с. 503].

Приведенная в примере (8) форма ***фæ****дыууæ дихы кодтой* ‘расчленили надвое’, производная от формы *дыууæ дихы кæнын* ‘делить пополам’, имеет вариант *дыууæ дихы* ***фæ****кæнын* ‘расчленить надвое’.

5. Описанные в научной литературе (см., например, [Цаболов 1957: 328–329]) примеры восстановления в иронском варианте утраченного «мертвого» преверба *и-*, присутствующего в дигорских опрощенных формах, интересны как аспектологическое свидетельство об определенных этапах развития осетинского вида. Примеры таких глаголов приведены в таблице 2.

Таблица 2. Глаголы с приставкой *и-* в дигорском и иронском вариантах

Table 2. Digor and Iron verbs with the preverb *i-*

Дигорский глагол	**Иронский глагол**	**Перевод**	**Иронский глагол (с продуктивной приставкой)**
и*сæфун*	*сæфын*	‘пропадать’	***æрба-й-****сæфын* ‘пропасть внезапно’
и*тауын*	*тауын*	‘расстилать, сеять’	***ба-й-****тауын* ‘посеять’
и*гурун*	*гуырын*	‘рождаться’	***ра-й-****гуырын* ‘родиться’

Во-первых, все опрощенные дигорские формы — предельные, что подтверждает роль древних осетинских приставок как маркеров предельности, о чем речь шла выше. Во-вторых, факт восстановления в иронских формах утраченного преверба *и-* при соединении с продуктивными приставками свидетельствует об относительно недавнем процессе утраты данного преверба в иронском. В-третьих, этот факт интересен как доказательство относительно недавнего времени закрепления за иронскими превербами способности перфективировать глагол.

Об относительно недавнем развитии значения перфективности мы говорим потому, что с развитием в приставочных глаголах значения перфективности, с закреплением за приставками перфективирующей функции отпадает потребность в выражении с помощью «старой» приставки *и-* значения предельности: как известно, категория предельности/непредельности оказывается скрытой, подчиненной категории вида [Маслов 1962], **поскольку значение предельности**

входит в аспектуально-семантическое ядро перфективности. В иронских глаголах с предельной семантикой преверб как маркер предельности постепенно «исчезает», потому что «сигналом» об их предельной «природе» становится их участие в парном приставочном видообразовании, т. е. перфективирующая функция приставки «перекрывает» прежнюю «миссию» приставки обозначать предельность. Однако «мертвая» приставка *и-* как прежний маркер предельности все еще «заявляет о себе» в процессах перфективации при соединении с «живыми» приставками даже в иронском варианте. Именно поэтому этот факт следует, на наш взгляд, оценивать как доказательство относительно недавнего развития приставочной перфективации в современном осетинском языке.

Наконец, скажем об одном из самых ярких свидетельств «молодого» возраста осетинского вида — о группе глаголов с приставкой *фæ-*.

В современном осетинском языке функционируют глаголы с *фæ-* в значении совершенного вида, несовершенного вида, а также совершенного и несовершенного вида одновременно в рамках одной и той же словоформы. В самом объемном словаре осетинского языка [Гуриев, Гутиева 2016–2019] приведено более 850 словарных статей о глаголах с приставкой *фæ-*. Нами установлено, что 680 статей приводят глаголы с приставкой *фæ-* в значении совершенного вида, часть из них имеют видовую пару, 112 статей указывают только на значения несовершенного вида и 58 статей — на значения и совершенного, и несовершенного вида одновременно в рамках одной и той же словоформы. Наибольший интерес для нас представляют последние две группы.

Лексемы из группы глаголов **только НСВ** представлены глаголами *фæбарын* ‘измерять’ [Гуриев, Гутиева 2019: 217] ← *барын* ‘измерять’ [Гуриев, Гутиева 2017: 111]; *фæдавын* ‘красть, воровать, похищать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 220] ← *давын* ‘красть, воровать’ [Гуриев, Гутиева 2017: 386]; *фæниуын* ‘выть, завывать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 267] ← *ниуын* ‘выть, завывать’ [Гуриев, Гутиева 2018: 345] и др.

Эта группа содержит глаголы, производные от глаголов и предельной, и непредельной, и двойственной семантики предельности/непредельности:

- **производящие П-семантики**: *ивазын* ‘растягивать’ [Гуриев, Гутиева 2017: 663] → *фæивазын* ‘растягивать’ [Гуриев, Гутиева

2019: 234]; *мæлын* ‘умирать’ [Гуриев, Гутиева 2018: 264] → *фæмæлын* ‘умирать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 255] и др.;

- **производящие НП-семантики**: *бæллын* ‘мечтать’ [Гуриев, Гутиева 2017: 184] → *фæбæллын* ‘мечтать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 217]; *зонын* ‘знать, уметь’ [Гуриев, Гутиева 2017: 637] → *фæзонын* ‘знать, уметь’ [Гуриев, Гутиева 2019: 232] и др.;
- **производящие двойственной П/НП-семантики**: *тæдзын* ‘капать, протекать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 26] → *фæтæдзын* ‘протекать, течь’ [Там же: 298]; *фæрсын* ‘спрашивать; читать; гадать; навещать, проведывать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 278] → *фæфæрсын* ‘долго спрашивать, расспрашивать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 308] и др.

Присоединение приставки указывает на предельный характер действия. Сами глаголы — даже те, которые являются производными от предельных, — остаются (по данным словаря) в зоне глаголов только НСВ. Данная группа отражает ситуацию, похожую на ситуацию начала XII в. в старославянских и древнерусских памятниках письменности, о которой писал П. С. Кузнецов [1951: 452]: «...В древнерусских и старославянских памятниках древнейшей эпохи еще не было того противопоставления совершенного и несовершенного вида, какое наблюдается теперь, ⟨...⟩ присоединение приставки ⟨...⟩ не переводило глагол в совершенный вид». Параллель можно провести и с приставкой *ga-* в готском (в древневерхненемецком языке — IV–VI вв.), которую Ю. С. Маслов [2004: 261–265] характеризовал как маркер предельности.

Не менее говорящей о «молодом» возрасте осетинской категории вида является и группа глаголов с *фæ-*, отражающих видовую «разноголосицу» — это глаголы, приведенные в словаре в значениях и совершенного, и несовершенного вида. Именно эта группа отражает, на наш взгляд, переходный период, сходный с тем периодом в древнерусском языке начала XII века, о котором писал Р. Ружичка [1962: 309]: «Многие глаголы, которые в современном русском, украинском и белорусском языках прочно закреплены за каким-либо одним видом, в языке “Повести временных лет” (нач. XII в.) могли употребляться то в одном, то в другом виде». Приведем примеры глаголов **двойственной СВ/НСВ-семантики** из словаря: *ивæзын* ‘растягиваться, тянуться’ [Гуриев, Гутиева 2017: 664] → *фæивæзын* ‘рас-

тянуться’ (СВ); ‘растягиваться’ (НСВ) [Гуриев, Гутиева 2019: 234]; *лæмарын* ‘выжимать; давить; надавливать, цедить’ [Гуриев, Гутиева 2018: 207] → *фæлæмарын* ‘выжать’ (СВ); ‘выжимать’ (НСВ) [Гуриев, Гутиева 2019: 241]; *марын* ‘убивать; мучить’ [Гуриев, Гутиева 2018: 248] → *фæмарын* ‘убить’ (СВ); ‘убивать’ (НСВ) [Гуриев, Гутиева 2019: 255] и др.

Отметим, что **производящими** для данной группы глаголов, как и для группы глаголов только несовершенного вида, являются глаголы и **предельной** семантики (например, *æрвитын* ‘посылать’ [Гуриев, Гутиева 2016: 565] и др.), и **непредельной** (например, *хафын* ‘скоблить’ [Гуриев, Гутиева 2019: 422] и др.), и **двойственной** П/НП семантики (например, *улæфын* ‘вздыхать’ (П), ‘дышать’ (НП) [Там же: 183] и др.).

Судя по тому, что в современном осетинском языке функционируют глаголы с *фæ-* только в НСВ, возможно употребление одной и той же глагольной формы и в СВ, и в НСВ, функционирование глагольной формы с *фæ-* только в СВ (бóльшая часть), а также возможно образование видовой пары ‘приставочный глагол с *фæ-* (СВ) / тот же глагол с аффиксом *-цæй-* (НСВ)’, можно указать на сходство данной группы приставочных глаголов с глаголами древних славянских памятников и, в особенности, древнерусских, которые могли «принадлежать к обоим видам» [Кузнецов 1961: 141]. Объяснение этому явлению кроется, как отмечалось нами ранее [Левитская 2025: 117–119], в более позднем вовлечении глаголов с приставкой *фæ-* в выражение аспектуальных значений в связи с отсутствием в них пространственно-ориентационной семантики. Этот семантический «изъян» не позволял глаголам с *фæ-* обозначать признак перцептивности и, соответственно, выражать процессное (имперфективное) значение.

Наличие нескольких глагольных групп с приставкой *фæ-* с разной видовой семантикой, «отставших», так сказать, от общей тенденции в процессах видообразования, подтверждает относительную недавность этих процессов, не завершенных в полной мере в дигорском варианте и сохраняющих «живое дыхание» процессов становления видовых пар и в иронском варианте, о чем речь шла выше.

Учитывая вышеприведенные сведения из истории осетинского народа периода с IV в. по XII в. и далее, лингвистические факты

из дигорского и иронского вариантов осетинского языка, предположительной точкой отсчета в возникновении **предпосылок** для формирования видовых значений в осетинском языке можно считать середину XIII в. — начало XIV в. Развитие названных в статье предпосылок происходило на стыке значения предельности и определенных значений пространственной ориентации в группе глаголов движения/перемещения (и других глаголов с семантикой направленности действия) с приставками *æр-*, *æрба-*, *ра-*, *с-* и *фæ-*. В этой группе реализуется признак перцептивности и тем самым обозначается процессность действия. Приставочные формы с аффиксом *-цæй-* указывают на действие, направленное на достижение предела, в середине его течения, в процессе. Противопоставленные им те же самые глаголы без этого аффикса указывают на достигнутость предела.

В русском языке развитие вида происходило на стыке значений категории предельности/непредельности и значений категории определенности/неопределенности действия: «Базу возникновения вида в собственном смысле, т. е. совершенности и несовершенности, составили предельные глаголы и, в первую очередь, приставочные глаголы результативного способа действия. Именно в них, по-видимому, появляется потребность формального, грамматического разграничения двух семантических возможностей, двух значений, выражавшихся ранее одной формой: “процессной направленности” на достижение результата, предела (‘быть в процессе собирания’ и т. п.) и самого его реального достижения (‘собрать’)» [Маслов 2004: 471]. Временем становления и окончательного формирования вида как грамматической категории в русском языке, как известно, принято считать конец XIV в. [Аванесов, Иванов 1982: 277–278].

Таким образом, в период завершения оформления вида как грамматической категории в русском языке в осетинском только возникали предпосылки для его зарождения, но тем более интересно с историко-типологической точки зрения совпадение в результатах независимой (вне взаимного влияния) реализации сходных лингвистических предпосылок.

Список условных сокращений

ABL — аблатив; ADD — аддитивная частица; ADJ — адъективизатор; ALL — аллатив; CONTR — контрастивная частица; CVB — деепричастие; DAT — датив; ENCL — местоименная энклитика; FUT — будущее время; GEN — генитив; IMPF — имперфективная частица; IN — инессив; INF — инфинитив; INTJ — междометие; ITER — итеративная частица; NEG — отрицание; NUM — нумератив; PCVB — причастие-деепричастие; PL — множественное число; POSS — посессивное местоимение; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; PV — преверб; REFL — рефлексивное местоимение; SBJV — конъюнктив; SG — единственное число; SUPER — суперэссив; TR — переходность.

НП — непредельность; НСВ — несовершенный вид; П — предельность; СВ — совершенный вид.

Литература

Абаев 1949 — В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949.

Абаев 1965 — В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы: На стыке Востока и Запада. М.: Наука, 1965.

Абаев 1977 — В. И. Абаев. Значение ареальных контактов в истории языка // Материалы V региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе: Ир, 1977. С. 5–9.

Абаев 1979 — В. И. Абаев. Скифо-сарматские наречия // В. С. Расторгуева (отв. ред.). Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М.: Наука, 1979. С. 272–364.

Аванесов, Иванов 1982 — Р. И. Аванесов, В. В. Иванов (ред.). Историческая грамматика русского языка: Морфология, глагол. М.: Наука, 1982.

Арманд 2000 — Е. Е. Арманд. Соотношение превербов *ava* и *ni* в древнеперсидском языке // Василию Ивановичу Абаеву 100 лет: Сборник статей по иранистике, общему языкознанию, евразийским культурам. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 209–213.

Бзаров 2020 — Р. С. Бзаров. Дигорское общество Алании: Очерки социальной истории. Владикавказ: Издательско-полиграфический центр СОГУ, 2020.

Бзаров 2022 — Р. С. Бзаров. История Алании. Владикавказ: Мидуат, 2022.

Бондарко 1980 — А. В. Бондарко. Об уровнях описания грамматических единиц (на примере анализа функции глагольного вида в русском языке) // А. В. Бондарко (отв. ред.). Функциональный анализ грамматических единиц. Л.: Издательство ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1980. С. 5–28.

Гунаев 1977 — З. С. Гунаев. О выражении пространственных отношений в некоторых дагестанских языках // Вопросы языкознания. 1977. № 6. С. 126–129.

Дешериева 1979 — Т. И. Дешериева. Исследование видовременной системы в нахских языках. М.: Наука, 1979.

Зетейшвили 1976 — С. Г. Зетейшвили. Сведения об аланах в «Хронографии» Феофана Исповедника // В. Т. Пашуто (отв. ред.). Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975 год. М.: Наука, 1976. С. 81–86.

Исаев 1966 — М. И. Исаев. Дигорский диалект осетинского языка: Фонетика. Морфология. М.: Наука, 1966.

Козырева 1954 — Т. З. Козырева. Глагольные приставки и их основные функции в осетинском языке // Известия СОНИИ. 1954. Т. XVI. С. 112–132.

Кузнецов 1951 — П. С. Кузнецов. Примечания // А. Мейе. Общеславянский язык. П. С. Кузнецов (пер. с франц.), С. Б. Бернштейн (ред.). М.: Издательство иностранной литературы, 1951. С. 415–470.

Кузнецов 1961 — П. С. Кузнецов. Очерки по морфологии праславянского языка. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961.

Кузнецов 1971 — В. А. Кузнецов. Алания в X–XII вв. Орджоникидзе: Ир, 1971.

Кумахов 1964 — М. А. Кумахов. Морфология адыгских языков. М.; Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1964.

Левитская 2004 — А. А. Левитская. Аспектуальность в осетинском языке: генетические предпосылки, ареальные связи, типологическое сходство // Вопросы языкознания. 2004. № 1. С. 29–41.

Левитская 2025 — А. А. Левитская. Аспектуально-акциональная семантика глаголов с приставкой *фæ-* в современном осетинском языке (в сопоставлении с русским) // Индоиранские языки. 2025. Т. 1. № 1. С. 89–129. DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.5.

Маслов 1962 — Ю. С. Маслов. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании // Ю. С. Маслов (сост., ред.). Вопросы глагольного вида. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 7–32.

Маслов 1984 — Ю. С. Маслов. Об основных понятиях аспектологии // Ю. С. Маслов. Очерки по аспектологии. Л.: Издательство ЛГУ, 1984. С. 5–47.

Маслов 2004 — Ю. С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. А. В. Бондарко, Т. А. Майсак, В. А. Плунгян (сост., ред.). М.: Языки славянской культуры, 2004.

Оранский 1979 — И. М. Оранский. Введение // В. С. Расторгуева (отв. ред.). Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М.: Наука, 1979. С. 10–128.

Пешковский 1956 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956.

Ружичка 1962 — Р. Ружичка. Глагольный вид в «Повести Временных лет». Глава XI. Заключение // Ю. С. Маслов (сост., ред.). Вопросы глагольного вида: Сборник статей. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 308–319.

Рыбаков 1982 — Б. А. Рыбаков. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982.

Соколов 1979 — С. Н. Соколов. Язык Авесты // В. С. Расторгуева (отв. ред.). Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М.: Наука, 1979. С. 129–233.

Тарланов 1977 — З. К. Тарланов. Опыт анализа личных местоимений в восточнолезгинских языках // Вопросы языкознания. 1977. № 5. С. 89–96.

Турчанинов 1971 — Г. Ф. Турчанинов. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. М.: Наука, 1971.

Хайдаков 1975 — С. И. Хайдаков. Система глагола в дагестанских языках. М.: Наука, 1975.

Цаболов 1957 — Р. Л. Цаболов. К истории осетинских превербов // Известия СОНИИ. 1957. Т. XIX. С. 319–354.

Цалиева 1983 — А. А. Цалиева. Аспектуальность в осетинском языке, ее генетические и ареальные связи. Дисс. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1983.

Эдельман 1975 — Д. И. Эдельман. Категория времени и вида // В. С. Расторгуева (отв. ред.). Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. II: Эволюция грамматических категорий. М.: Наука, 1975. С. 337–411.

Этерлей 1970 — Е. Н. Этерлей. Древнерусский имперфект: значение и употребление. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л.: Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР, 1970.

Якобсон 1985 — Р. О. Якобсон. Взгляды Боаса на грамматическое значение // Р. О. Якобсон. Избранные работы. В. А. Звегинцев (сост., ред.). М.: Прогресс, 1985. С. 231–238.

Meillet 1931 — A. Meillet. Grammaire du vieux-perse. 2e éd. Paris: Champion, 1931.

Reichelt 1978 — H. Reichelt. Awestisches Elementarbuch. 3. Aufl. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1978.

Источники

Гуриев, Гутиева 2016 — Т. А. Гуриев, Э. Т. Гутиева (сост.). Осетинско-русский словарь. Т. 1. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016.

Гуриев, Гутиева 2017 — Т. А. Гуриев, Э. Т. Гутиева (сост.). Осетинско-русский словарь. Т. 2. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017.

Гуриев, Гутиева 2018 — Т. А. Гуриев, Э. Т. Гутиева (сост.). Осетинско-русский словарь. Т. 3. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2018.

Гуриев, Гутиева 2019 — Т. А. Гуриев, Э. Т. Гутиева (сост.). Осетинско-русский словарь. Т. 4. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019.

Фадеев 1953 — А. А. Фадеев. Æрыгон гварди. Дзæуджыхъæу: Цæгат Ирыстоны чингуыты рауагъдад, 1953.

Фадеев 1972 — А. А. Фадеев. Молодая гвардия. Собрание сочинений в 7 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1972.

References

Abaev 1949 — V. I. Abaev. *Osetinskiy yazyk i folklor* [Ossetic language and folklore]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1949.

Abaev 1965 — V. I. Abaev. *Skifo-yevropeyskiye izoglossy: Na styke Vostoka i Zapada* [Scythian-European isoglosses: At the crossroads of East and West]. Moscow: Nauka, 1965.

Abaev 1977 — V. I. Abaev. Znacheniye arealnykh kontaktov v istorii yazyka [The role of areal contacts in language history]. *Materialy V regionalnoy nauchnoy sessii po istoriko-sravnitelnomu izucheniyu iberiysko-kavkazskikh yazykov* [Proceedings of the 5th Regional Scientific Session on Historical and Comparative Studies of the Iberian-Caucasian Languages]. Ordzhonikidze: Ir, 1977. P. 5–9.

Abaev 1979 — V. I. Abaev. Skifo-sarmatskiye narechiya [Scythian-Sarmatian dialects]. V. S. Rastorguyeva (ed.). *Osnovy iranskogo yazykoznaniya: Drevneiranskiye yazyki* [Fundamentals of Iranian linguistics: Old Iranian languages]. Moscow: Nauka, 1979. P. 272–364.

Armand 2000 — E. E. Armand. Sootnosheniye preverbov *ava* i *ni* v drevnepersidskom yazyke [The relationship between the preverbs *ava* and *ni* in Old Persian]. *Vasiliyu Ivanovichu Abaevu 100 let: Sbornik statey po iranistike, obshchemu yazykoznaniyu, yevraziyskim kulturam* [For Vasiliy Ivanovich Abaev on his 100th birthday: A collection of articles on Iranian studies, general linguistics, and Eurasian cultures]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. P. 209–213.

Avanesov, Ivanov 1982 — R. I. Avanesov, V. V. Ivanov (eds.). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Morfologiya. Glagol* [Historical grammar of the Russian language: Morphology. The verb]. Moscow: Nauka, 1982.

Bondarko 1980 — A. V. Bondarko. Ob urovnyakh opisaniya grammaticheskikh yedinits (na primere analiza funktsii glagolnogo vida v russkom yazyke) [On the levels of description of grammatical units (a study of the functions of Russian verbal aspect)]. A. V. Bondarko (ed.). *Funktsionalnyy analiz grammaticheskikh yedinits* [Functional analysis of grammatical units]. Leningrad: Publishing House of the Herzen Leningrad State Pedagogical Institute, 1980. P. 5–28.

Bzarov 2020 — R. S. Bzarov. *Digorskoye obshchestvo Alanii: Ocherki sotsialnoy istorii* [Digor society of Alania: Essays on social history]. Vladikavkaz: Publishing House of North Ossetian State University, 2020.

Bzarov 2022 — R. S. Bzarov. *Istoriya Alanii* [History of Alania]. Vladikavkaz: Miduat, 2022.

Desheriyeva 1979 — T. I. Desheriyeva. *Issledovaniye vidovremennoy sistemy v nakhskikh yazykakh* [A study of the tense-aspect system in Nakh languages]. Moscow: Nauka, 1979.

Edelman 1975 — D. I. Edelman. Kategoriya vremeni i vida [The category of tense and aspect]. V. S. Rastorguyeva (ed.). *Opyt istoriko-tipologicheskogo issledovaniya iranskikh yazykov. T. II: Evolyutsiya grammaticheskikh kategoriy* [A historical-typological study of Iranian languages. Vol. 2: Evolution of grammatical categories]. Moscow: Nauka, 1975. P. 337–411.

Eterley 1970 — E. N. Eterley. *Drevnerusskiy imperfekt: znacheniye i upotrebleniye* [Old Russian Imperfect: Meaning and usage]. Candidate dissertation abstract. Leningrad: Leningrad branch of the Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences, 1970.

Gunayev 1977 — Z. S. Gunayev. O vyrazhenii prostranstvennykh otnosheniy v nekotorykh dagestanskikh yazykakh [On the expression of spatial relations in some Daghestanian languages]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1977. No. 6. P. 126–129.

Isayev 1966 — M. I. Isayev. *Digorskiy dialekt osetinskogo yazyka: Fonetika. Morfologiya* [The Digor dialect of Ossetic: Phonetics. Morphology]. Moscow: Nauka, 1966.

Jakobson 1985 — R. O. Jakobson. Vzglyady Boasa na grammaticheskoye znacheniye [Boas' views of grammatical meaning]. R. O. Jakobson. *Izbrannyye raboty* [Selected works]. V. A. Zvegintsev (comp., ed.). Moscow: Progress, 1985. P. 231–238.

Khaydakov 1975 — S. I. Khaydakov. *Sistema glagola v dagestanskikh yazykakh* [The verb system in Daghestanian languages]. Moscow: Nauka, 1975.

Kozyreva 1954 — T. Z. Kozyreva. Glagolnyye pristavki i ikh osnovnyye funktsii v osetinskom yazyke [Verbal prefixes and their main functions in Ossetic]. *Izvestia SONII*. 1954. Vol. 16. P. 112–132.

Kumakhov 1964 — M. A. Kumakhov. *Morfologiya adygskikh yazykov* [Morphology of the Adyghe languages]. Moscow; Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House, 1964.

Kuznetsov 1951 — P. S. Kuznetsov. Primechaniya [Notes]. A. Meillet. *Obshcheslavyanskiy yazyk* [Common Slavic]. P. S. Kuznetsov (transl. from French), S. B. Bernstein (ed.). Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1951. P. 415–470.

Kuznetsov 1961 — P. S. Kuznetsov. *Ocherki po morfologii praslavyanskogo yazyka* [Essays on the morphology of the Proto-Slavic language]. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961.

Kuznetsov 1971 — V. A. Kuznetsov. *Alaniya v X–XII vv.* [Alania in the 10th–12th centuries]. Ordzhonikidze: Ir, 1971.

Levitskaya 2004 — A. A. Levitskaya. Aspektualnost v osetinskom yazyke: geneticheskiye predposylki, arealnyye svyazi, tipologicheskoye skhodstvo [Aspectuality in Ossetic: Genetic prerequisites, areal connections, typological similarity]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2004. No. 1. P. 29–41.

Levitskaya 2025 — A. A. Levitskaya. Aspektualno-aktsionalnaya semantika glagolov s pristavkoy *fæ-* v sovremennom osetinskom yazyke (v sopostavlenii s russkim) [Aspectual-actional semantics of verbs with the prefix *fæ-* in the modern Ossetic language (in comparison with Russian)]. *Indo-Iranian languages*. 2025. Vol. 1. No. 1. P. 89–129. DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.5.

Maslov 1962 — Yu. S. Maslov. Voprosy glagolnogo vida v sovremennom zarubezhnom yazykoznanii [Issues in verbal aspect in modern foreign linguistics]. Yu. S. Maslov (comp., ed.). *Voprosy glagolnogo vida* [Issues of verb aspect]. Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1962. P. 7–32.

Maslov 1984 — Yu. S. Maslov. Ob osnovnykh ponyatiyakh aspektologii [On the basic concepts of aspectology]. Yu. S. Maslov. *Ocherki po aspektologii* [Essays on aspectology]. Leningrad: Leningrad State University, 1984. P. 5–47.

Maslov 2004 — Yu. S. Maslov. *Izbrannyye trudy: Aspektologiya. Obshcheye yazykoznaniye* [Selected works: Aspectology. General linguistics]. A. V. Bondarko, T. A. Maisak, V. A. Plungian (comps., eds.). Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004.

Meillet 1931 — A. Meillet. *Grammaire du vieux-perse*. 2e éd. Paris: Champion, 1931.

Oranskiy 1979 — I. M. Oranskiy. Vvedeniye [Introduction]. V. S. Rastorguyeva (ed.). *Osnovy iranskogo yazykoznaniya: Drevneiranskiye yazyki* [Fundamentals of Iranian linguistics: Old Iranian languages]. Moscow: Nauka, 1979. P. 10–128.

Peshkovskiy 1956 — A. M. Peshkovskiy. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in a scientific perspective]. 7th edn. Moscow: Uchpedgiz, 1956.

Reichelt 1978 — H. Reichelt. *Awestisches Elementarbuch*. 3. Aufl. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1978.

Růžička 1962 — R. Růžička. Glagolnyy vid v «Povesti Vremennykh let». Glava XI. Zaklyucheniye [Verbal aspect in the Primary Chronicle. Chapter XI. Conclusion]. Yu. S. Maslov (comp., ed.). *Voprosy glagolnogo vida* [Issues of verb aspect]. Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1962. P. 308–319.

Rybakov 1982 — B. A. Rybakov. *Kievskaya Rus i russkiye knyazhestva XII–XIII vv.* [Kievan Rus and the Russian principalities of the 12th–13th centuries]. Moscow: Nauka, 1982.

Sokolov 1979 — S. N. Sokolov. Yazyk Avesty [The language of the Avesta]. V. S. Rastorguyeva. *Osnovy iranskogo yazykoznaniya: Drevneiranskiye yazyki*

[Fundamentals of Iranian linguistics: Old Iranian languages]. Moscow: Nauka, 1979. P. 129–233.

Tarlanov 1977 — Z. K. Tarlanov. Opyt analiza lichnykh mestoimeniy v vostochnolezginskikh yazykakh [Towards the analysis of personal pronouns in the East Lezgic languages]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1977. No. 5. P. 89–96.

Tsabolov 1957 — R. L. Tsabolov. K istorii osetinskikh preverbov [On the history of Ossetic preverbs]. *Izvestia SONII*. 1957. Vol. 19. P. 319–354.

Tsalieva 1983 — A. A. Tsalieva. *Aspektualnost v osetinskom yazyke, yeye geneticheskiye i arealnyye svyazi* [Aspectuality in Ossetic, its genetic and areal connections]. Candidate dissertation. Leningrad: Leningrad State University, 1983.

Turchaninov 1971 — G. F. Turchaninov. *Pamyatniki pisma i yazyka narodov Kavkaza i Vostochnoy Yevropy* [Monuments of writing and language of the Caucasian and Eastern European peoples]. Moscow: Nauka, 1971.

Zeteyshvili 1976 — S. G. Zeteyshvili. Svedeniya ob alanakh v «Khronografii» Feofana Ispovednika [References to the Alans in the Chronography of Theophanes the Confessor]. V. T. Pashuto (ed.). *Drevneyshiye gosudarstva na territorii SSSR: Materialy i issledovaniya* [The earliest states on the territory of the USSR: Materials and research]. Moscow: Nauka, 1976. P. 81–86.

Получено/received 25.03.2026 *Принято/accepted 11.06.2026*